

Клайберн Ван.
(= сн Клайберн В.)

Союз нерушимый

Анна ВЕТХОВА

«В России я хочу быть Ваном Клайберном!» — такое категоричное заявление сделал знаменитый американский пианист, сойдя с трапа самолета в «Шереметьево-2». И хотя сегодня все СМИ послушно транскрибируют: Вэн Клайберн — любимцу российской публики это не нравится. В подтверждение сего он достает старые газеты и с умилением смотрит на заголовки с неправильным написанием своего имени: считает, что на русском так звучит гораздо красивее.

А ведь Ваном Клайберном он стал по собственному желанию. Когда впервые прилетел в Москву — на конкурс Чайковского, — встречающая его дама (вероятно, из «органов») строго спросила двадцатитрехлетнего юношу: «Ван Клайберн?» Он так ее испугался, что решил согласиться быть Ваном. А потом... и Ванюшей — так стали называть в Москве фаворита Первого конкурса имени Чайковского. А он все улыбался и играл «Подмосковные вечера».

Тогда, в 1958 году, своей победой на конкурсе он нарушил законы «холодной войны», заставив русских полюбить Америку в его лице, и пробудив в американцах не только чувство гордости за своего гения, но и чуточку доверия к социалистическому монстру — СССР: ведь дали же Первую премию «вражескому» пианисту, несмотря на все установки партии и правительства. Правда, за окончательным решением тогдашнему председателю жюри конкурса пианистов Эмилио Лилельсу пришлось идти на совещание к самому Генсеку Никите Хрущеву. Вот

так, видимо, и наступила «оттепель»...

Клайберн стал символом и еще одной политической оттепели: он был приглашен президентом США Рональдом Рейганом выступить на приеме, который Рейган давал в 1987 году в честь Михаила Горбачева после встречи на высшем уровне руководителей двух супердержав, как принято было говорить в те, кажущиеся уже очень далекими, времена. Сегодня Клайберн приехал в Россию получить орден Дружбы из рук президента Путина и в знак дружбы собрал своих поклонников в Большом зале консерватории на сольный концерт, который посвятил жертвам терактов, недавно случившихся в России.

Публика волновалась почти так же, как 46 лет назад, а желающих услышать Клайберна у входа в Большой зал консерватории собралось разве чуточку меньше, чем в историческом 58-м. Кстати, среди жаждающих услышать пианиста были не только свидетели его давнего триумфа, но и много, даже очень много совсем еще молодых людей. Ждать пришлось долго — целое отделение концерта: маэстро попал в пробку и не мог доехать до Никитской почти час...

Одним своим появлением на сцене улыбающийся Клайберн заставил зал встать — да и как могла публика не аплодировать стоя самому «долгоиграющему» своему кумиру? Через минуту зал поднялся вновь, на этот раз — молча: вместо заявленного в программе первым номером Каприччио Брамса, или в крайнем, но ставшим бы, безусловно, весьма приятным, случае — «Подмосковных вечеров», пианист заиграл российский Гимн. В

На концерте
Вана Клайберна
вновь был
аншлаг

отличие от американцев россияне не стали петь, хотя маэстро честно сыграл три куплета с припевами, а молча слушали самую государственную из всех наших песен. Быть может, это молчание было и символичным: «Союз нерушимый...» можно было вспомнить «про себя» и при желании и при помощи старого варианта текста перенестись мысленно в тот самый 58-й год...

В остальном же концерт прошел абсолютно по плану: Каприччио и Интермеццо Брамса, Четвертая баллада и знаменитая Соната си-бемоль минор (с «похоронным маршем») Шопена в первом отделении и Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского (под аккомпанемент Симфонического оркестра Московской филармонии и

дирижера Константина Орбеляна) — во втором.

Не сыграть в Большом зале консерватории Концерт Чайковского в нынешний свой приезд маэстро просто не мог: все-таки отношения его с русской публикой начались с имени и произведения Чайковского. А вот другой символической музыки в исполнении Клайберна публика так и не дождалась: на «бис» пианист исполнил Прелюдию Рахманинова соль-диез минор и «Посвящение» Шумана-Листа. А «Подмосковные вечера», ноты которых напечатаны в изданном к приезду Вана-Вана-Ванечки красивом буклете, так и остались неозвученными. Но это, конечно, не пошатнуло основ вот уж действительно нерушимого нашего союза с «их» пианистом.

Русский курьер. — 2004. — 23 сент. — с. 25